

АКАДЕМИЯ ПОЭЗИИ

а л ь м а н а х

Этот альманах мы посвящаем
140-летию со дня рождения
выдающегося русского поэта

АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРОВИЧА
БЛОКА

[1880–1921]

№ 1

2020

Академия
Поэзии

Альманах Академия поэзии. Альманах №1 2020 г.

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63009996
Альманах «Академия поэзии» № 1, 2020 г.: У Никитских ворот;
Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-129-3*

Аннотация

Основная задача альманаха «Академия поэзии» – наиболее ярко представить творчество современных русскоязычных поэтов. Каждый поэт – это целая вселенная, со своим внутренним миром, мыслями, эмоциями и открытиями, что и воплощается в его творениях, придаёт своеобразие языку и стилю произведений.

Неслучайно авторы альманаха – поэты разных школ, стилей, направлений, национальностей, известные мастера и молодые поэты, и всех их объединяет любовь к поэтическому СЛОВУ.

Содержание

Блок	7
Идут часы, и дни, и годы	9
Я пригвождён к трактирной стойке	11
Люблю тебя, ангел-хранитель во мгле	12
Я шел к блаженству	15
Явился он на стройном бале	16
Ветер хрипит на мосту меж столбами	17
Входите все	18
О, я хочу безумно жить	19
Незнакомка	20
В ресторане	23
Стихи о прекрасной даме	25
Посвящение	47
На поле Куликовом	50
Поэтическая галактика	56
Юлия Александрова	57
Уголки России	59
А счастье любит...	60
Рукодельница-осень	61
Сонет	62
Прорисую в памяти черты	63
Весеннее...	64
Городской вечер	65

Глотки жизни	66
Александр Андронов	68
В январе	69
Падают листья	70
Идём на посадку	70
Жара	71
Самопознание	72
Колдунья	73
Осень как предчувствие	75
За горизонтом	75
Она придёт	76
Антонина Белова	78
Антонина	80
На Нерли	84
Повесть временных лет	85
Мой Петербург	85
Александр Бобров	88
Родина облаков	90
Навечерие Рождества	91
Выпросили...	92
Юрий Богданов	94
Из короны венков сонетов	95
Игорь Бойко	109
Храм	110
Четыре стороны	111
Гауптвахта	111

Железка	112
Птицы	114
Белая Русь	119
Бабушкина церковь	122
Галина Весновой	124
Александр Ветров	129
У знакомых в деревне	131
В жаркий полдень	132
На уроке географии	132
За околицей	132
Романтик	134
Игорь Гавриленко	135
Дочь кузнеца	137
Казнь Марии Стюарт	139
Вещий сон	140
Дмитрий Дергалов	141
Поколение застенчивых	142
Облачко	143
Свобода	144
Книжные магазины	145
Теория любви	145
Время, лети!	147
Долгожданная	148
Отражение	149
Ветер	151
Маленькие одиночества	151

Ольга Дьякова	153
Три цвета	156
Елена Есина	172
Художник	175
Конец ознакомительного фрагмента.	177

**Коллектив авторов
Альманах «Академия
поэзии» № 1, 2020 г**

**Блок
Александр Александрович
[1880–1921]**

Идут часы, и дни, и годы

Идут часы, и дни, и годы...
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы,
Рассеять сумерки времён.

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он – был. Но он – не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? – Их не было. – Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило

И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.

Прошли часы или года...

(Лишь телеграфные звенели

На чёрном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)

Отчётливо, издавека

Раздался голос: «Ессе homo!¹»

Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шёлком душным

(Чтоб кровь не шла из чёрных жил),

Я был весёлым и послушным,

Обезоруженный – служил.

Но час настал. Припоминая,

Я вспомнил: нет, я не слуга.

Так падай, перевязь цветная!

Хлынь, кровь, и обagri снега!

¹ Се – человек! (*лат.*)

Я пригвождён к трактирной стойке

Я пригвождён к трактирной стойке.

Я пьян давно. Мне всё равно.

Вон счастье моё – на тройке

В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло

В снегу времён, в дали веков...

И только душу захлестнуло

Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,

От искр всю ночь, всю ночь светло...

Бубенчик под дугой лепечет

О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая

Всю ночь видна... Всю ночь слышна...

А ты, душа... душа глухая...

Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...

Люблю тебя, ангел-хранитель во мгле

Люблю тебя, ангел-хранитель во мгле.
Во мгле, что со мною всегда на земле.

За то, что ты светлой невестой была,
За то, что ты тайну мою отняла.

За то, что связала нас тайна и ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и дочь.

За то, что нам долгая жизнь суждена,
О, даже за то, что мы – муж и жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье семьи.

За то, что не любишь того, что люблю.
За то, что о нищих и бедных скорблю.

За то, что не можем согласно мы жить.
За то, что хочу и смею убить —

Отмстить малодушным, кто жил без огня,
Кто так унижал мой народ и меня!

Кто запер свободных и сильных в тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.

Кто хочет за деньги лишить меня дня,
Собачью покорность купить у меня...

За то, что я слаб и смириться готов,
Что предки мои – поколение рабов,

И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...

Но люблю я тебя и за слабость мою,
За горькую долю и силу твою.

Что огнём сожжено и свинцом залито —
Того разорвать не посмеет никто!

С тобою смотрел я на эту зарю —
С тобой в эту чёрную бездну смотрю.

И двойственно нам приказанье судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!

Покорствуй! Дерзай! Не покинь! Отойди!

Огонь или тьма – впереди?

Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идём?

Вдвоём – неразрывно – навеки вдвоём!

Воскреснем? Погибнем? Умрём?

Я шел к блаженству

Я шёл к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом,
А в сердце, замирая, пел
Далёкий голос песнь рассвета.
Рассвета песнь, когда заря
Стремилась гаснуть, звёзды рдели,
И неба вышние моря
Вечерним пурпуром горели!..
Душа горела, голос пел,
В вечерний час звуча рассветом.
Я шёл к блаженству. Путь блестел
Росы вечерней красным светом.

Явился он на стройном бале

Явился он на стройном бале
В блестяще сомкнутом кругу.
Огни зловещие мигали,
И взор описывал дугу.

Всю ночь кружились в шумном танце,
Всю ночь у стен сжимался круг.
И на заре – в оконном глянце
Бесшумный появился друг.

Он встал и поднял взор совиный,
И смотрит – пристальный – один,
Куда за бледной Коломбиной
Бежал звенящий Арлекин.

А там – в углу – под образами,
В толпе, мятущейся пестро,
Вращая детскими глазами,
Дрожит обманутый Пьеро.

Ветер хрипит на мосту меж столбами

Ветер хрипит на мосту меж столбами,

Чёрная нить под снегами гудёт.

Чудо ползёт под моими санями,

Чудо мне сверху поёт и поёт...

Всё мне, певучее, тяжело и трудно,

Песни твои, и снега, и костры...

Чудо, я сплю, я устал непробудно.

Чудо, ложись в снеговые бугры!

Входите все

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна Бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий – здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на Творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

О, я хочу безумно жить

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее – увековечить,
Безличное – вочеловечить,
Несбывшееся – воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжёлый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:

«Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество!»

Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моём стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной

Как я, смирен и оглушён.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»² – кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный

² In vino veritas! – Истина – в вине! (лат.)

И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чьё-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

24 апреля 1906

В ресторане

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер?): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на жёлтой заре – фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущённо и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблён».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступлённо запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой, легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,

Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала

И, бросая, кричала: «Лови!..»

А монисто брэнчало, цыганка плясала

И визжала заре о любви.

Стихи о прекрасной даме

Из цикла «Стихи о Прекрасной Даме»

* * *

Тихо вечерние тени
В синих ложатся снегах.
Сонмы нестройных видений
Твой потревожили прах.
Спишь ты за дальней равниной,
Спишь в снеговой пелене...
Песни твоей лебединой
Звуки почудились мне.
Голос, зовущий тревожно,
Эхо в холодных снегах...
Разве воскреснуть возможно?
Разве былое – не прах?
Нет, из господнего дома
Полный бессмертия дух
Вышел, родной и знакомой
Песней тревожить мой слух.
Сонмы могильных видений,
Звуки живых голосов...

Тихо вечерние тени
Синих коснулись снегов.

2 февраля 1901

* * *

Душа молчит. В холодном небе
Всё те же звёзды ей горят.
Кругом о злате иль о хлебе
Народы шумные кричат...
Она молчит, – и внемлет крикам,
И зрит далёкие миры,
Но в одиночестве двуликом
Готовит чудные дары,
Дары своим богам готовит
И, умахённая, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далёкий зов другой души...
Так белых птиц над океаном
Неразлучённые сердца
Звучат призывом за туманом,
Понятным им лишь до конца.

3 февраля 1901

* * *

Ты отходишь в сумрак алый,
В бесконечные круги.
Я слышал отзвук малый,
Отдалённые шаги.

Близко ты или далече
Затерялась в вышине?
Ждать иль нет внезапной встречи
В этой звучной тишине?

В тишине звучат сильнее
Отдалённые шаги.
Ты ль смыкаешь, пламенея,
Бесконечные круги?

6 марта 1901

* * *

Кто-то шепчет и смеётся
Сквозь лазоревый туман.
Только мне в тиши взгрустнётся —

Снова смех из милых стран!

Снова шёпот – и в шептаны
Чья-то ласка, как во сне,
В чьём-то женственном дыханьи,
Видно, вечно радость мне!

Пошепчи, посмейся, милый,
Милый образ, нежный сон;
Ты нездешней, видно, силой
Наделён и окрылён.

20 мая 1901

* * *

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне Российская Венера,
Тяжёлою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица – спокойная мечта.

Она сошла на землю не впервые,
Но вокруг неё толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И странен блеск её глубоких глаз...

29 мая 1901, с. Шахматово

* * *

Одинокий, к тебе прихожу,
Околдован огнями любви.
Ты гадаешь. Меня не зови —
Я и сам уж давно ворожу.

От тяжёлого бремени лет
Я спасался одной ворожкой,
И опять ворожу над тобой,
Но неясен и смутен ответ.

Ворожкой полонённые дни
Я лелею года, — не зови...
Только скоро ль погаснут огни
Заколдованной тёмной любви?

1 июня 1901, с. Шахматово

* * *

И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнёшь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьёв

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901, с. Шахматово

* * *

...И поздно желать,
Всё минуло: и счастье, и горе.

Вл. Соловьёв

Не сердись и прости. Ты цветёшь одиноко,
Да и мне не вернуть
Этих снов золотых, этой веры глубокой...
Безнадёжен мой путь.

Мыслью сонной цветя, ты блаженствуешь
много,
Ты лазурью сильна.
Мне – другая и жизнь, и другая дорога,
И душе – не до сна.

Верь – несчастней моих молодых поклонений
Нет в обширной стране,
Где дышал и любил твой таинственный гений,
Безучастный ко мне.

10 июня 1901

* * *

В бездействии младом, в передраcсветной лени
Душа парила ввысь и там Звезду нашла.
Туманен вечер был, ложились мягко тени.
Вечерняя Звезда, безмолвствуя, ждала.

Невозмутимая, на тёмные ступени
Вступила Ты и, тихая, всплыла.
И шаткою мечтой в передраcсветной лени
На звёздные пути Себя перенесла.

И протекала ночь туманом сновидений.
И юность робкая с мечтами без числа.
И близится рассвет. И убегают тени.
И, Ясная, Ты с солнцем потекла.

19 июня 1901

* * *

С. Соловьёву

Она росла за дальними горами.

Пустынный дол – ей родина была.
Никто из вас горящими глазами
Её не зрел – она одна росла.
И только лик бессмертного светила —
Что день – смотрел на девственный расцвет,
И влажный знак, она к нему всходила,
Она в себе хранила тайный след.
И в смерть ушла, желая и тоскуя.
Никто из вас не видел здешний прах...
Вдруг расцвела, в лазури торжествуя,
В иной дали и в неземных горах.
И ныне вся овеена снегами.
Кто белый храм, безумцы, посетил?
Она цвела за дальними горами,
Она течёт в ряду иных светил.

26 июня 1901 – 3 июля 1901

* * *

Прозрачные, неведомые тени
К Тебе плывут, и с ними Ты плывёшь.
В объятия лазурных сновидений,
Невнятных нам, – Себя Ты отдаёшь.

Перед Тобой синеют без границы

Моря, поля, и горы, и леса,
Перекликаются в свободной выси птицы,
Встаёт туман, алеют небеса.

А здесь, внизу, в пыли, в уничиженьи,
Узрев на миг бессмертные черты,
Безвестный раб, исполнен вдохновенья,
Тебя поёт. Его не знаешь Ты,

Не отличишь его в толпе народной,
Не наградишь улыбкою его,
Когда вослед взирает, несвободный,
Вкусив на миг бессмертья Твоего.

3 июля 1901

* * *

Я жду призыва, ищу ответа,
Немеет небо, земля в молчаньи,
За жёлтой нивой – далёко где-то —
На миг проснулось моё воззванье.

Из отголосков далёкой речи,
С ночного неба, с полей дремотных,
Всё мнятся тайны грядущей встречи,

Свиданий ясных, но мимолётных.

Я жду – и трепет объемлет новый.
Всё ярче небо, молчанье глуше...
Ночную тайну разрушит слово...
Помилуй, Боже, ночные души!

На миг проснулось за нивой, где-то,
Далёким эхом моё воззванье.
Всё жду призыва, ищу ответа,
Но странно длится земли молчанье.

7 июля 1901

* * *

Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла
Над берегом Невы и за чертой столицы?
Не ты ли тайный страх сердечный совлекла
С отвагою мужей и с нежностью девицы?

Ты песню без конца растаяла в снегах
И раннюю весну созвучно повторила.
Ты шла звездой мне, но шла в дневных лучах
И камни площадей и улиц освятила.

Тебя пою, о да! Но просиял твой свет
И вдруг исчез – в далёкие туманы.
Я направляю взор в таинственные страны —

Тебя не вижу я, и долго Бога нет.
Но верю, ты взойдёшь, и вспыхнет сумрак
альный,
Смыкая тайный круг, в движеньи
запоздалый.

8 июля 1901

* * *

За городом в полях весною воздух дышит.
Иду и трепещу в предвестии огня.
Там, знаю, впереди – морскую зыбь колышет
Дыханье сумрака – и мучает меня.

Я помню: далеко шумит, шумит столица.
Там, в сумерках весны, неугомонный зной.
О, скудные сердца! Как безнадежны лица!
Не знавшие весны тоскуют над собой.

А здесь, как память лет невинных и великих,
Из сумрака зари – неведомые лики

Вещают жизни строй и вечности огни...

Забудем дольний шум. Явись ко мне без гнева,
Закатная, Таинственная Дева,
И завтра и вчера огнём соедини.

12 июля 1901

* * *

Вечереющий день, догорая,
Отступает в ночные края.
Посещает меня, возрастая,
Неотступная тайна моя.

Неужели и страстная дума,
Бесконечно земная волна,
Затерявшись среди здешнего шума,
Не исчерпает жизни до дна?

Неужели в холодные сферы
С неразгаданной тайной земли
Отошли и печали без меры,
И любовные сны отошли?

Умирают мои угнетенья,

Утолятся горести дня,
Только Ты одинокою тенью
Посети на закате меня.

11 июля 1901

* * *

Не жди последнего ответа,
Его в сей жизни не найти.
Но ясно чует слух поэта
Далёкий гул в своём пути.

Он приклонил с вниманьем ухо,
Он жадно внемлет, чутко ждёт,
И донеслось уже до слуха:
Цветёт, блаженствует, растёт...

Всё ближе – чаянье сильнее,
Но, ах! – волненья не снести...
И вещей падает, немея,
Заслыша близкий гул в пути.

Кругом – семья в чаду молений,
И над кладбищем – мерный звон.
Им не постигнуть сновидений,

Которых не дождался он!..

19 июля 1901

* * *

Не пой ты мне и сладостно, и нежно:
Утратил я давно с юдолью связь.
Моря души – просторны и безбрежны,
Погибнет песнь, в безбрежность удалясь.

Одни слова без песен сердцу ясны.
Лишь правдой их над сердцем процветёшь.
А песни звук – докучливый и страстный —
Таит в себе невидимую ложь.

Мой юный пыл тобою же осмеян,
Покинут мной – туманы позади.
Объемли сны, какими я оваян,
Пойми сама, что будет впереди.

19 июля 1901

* * *

Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных,
Ни лета зрелого, ни молодой весны.
Они прошли – светло и беспокойно,
И вновь придут – они землёй даны.

Мне жаль, что день великий скоро минет,
Умрёт едва рождённое дитя.
О, жаль мне, друг, – грядущий пыл остынет,
В прошедший мрак и в холод уходя!

Нет, хоть в конце тревожного скитанья
Найду пути и не вздохну о дне!
Не омрачить заветного свиданья
Тому, кто здесь вздыхает обо мне.

27 июля 1901

* * *

Признак истинного чуда
В час полночной темноты —
Мглистый мрак и камней гряда,

В них горишь алмазом ты.

А сама – за мглой речною
Направляешь горный бег
Ты лазурью золотою,
Просиявшая навек.

29 июля 1901, Фабрика

* * *

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своём терему.
Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костёр разведёшь ввечеру,
Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,
Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901

* * *

Видно, дни золотые пришли.
Все деревья стоят, как в сияньи.
Ночью холодом веет с земли;
Утром белая церковь вдали
И близка и ясна очертаньем.

Всё поют и поют вдалеке,
Кто поёт – не пойму; а казалось,
Будто к вечеру там, на реке —
В камышах ли, в сухой осоке, —
И знакомая песнь раздавалась.

Только я не хочу узнавать.
Да и песням знакомым не верю.
Всё равно – мне певца не понять.
От себя ли скрывать
Роковую потерю?

24 августа 1901

* * *

Кругом далёкая равнина
Да толпы обгорелых пней.
Внизу – родимая долина,
И тучи стелятся над ней.

Ничто не манит за собою,
Как будто даль сама близка.
Здесь между небом и землёю
Живёт угрюмая тоска.

Она и днём и ночью роет
В полях песчаные бугры.
Порою жалобно завоет
И вновь умолкнет – до поры.

И всё, что будет, всё, что было, —
Холодный и бездушный прах,
Как эти камни над могилой
Любви, затерянной в потях.

25 августа 1901, д. Ивлево

* * *

Я всё гадаю над тобою,
Но, истомлённый ворожбой,
Смотрю в глаза твои порою
И вижу пламень роковой.

Или великое свершилось,
И ты хранишь завет времён
И, озарённая, укрылась
От дуновения племён?

Но я, покорствуя заране,
Знай, сохраню святой завет.
Не оставляй меня в тумане
Твоих первоначальных лет.

Лежит заклатье между нами,
Но, в постоянстве недвижим,
Скрываю родственное пламя
Под бедным обликом своим.

27 августа 1901

* * *

Нет конца лесным тропинкам.
Только встретить до звезды
Чуть заметные следы...
Внемлет слух лесным былинкам.

Всюду ясная молва
Об утраченных и близких...
По верхушкам ёлок низких
Перелётные слова...

Не замечу ль по былинкам
Потаённого следа...
Вот она – зажглась звезда!
Нет конца лесным тропинкам.

2 сентября 1901, Церковный лес

* * *

Мчит меня мёртвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,

В сердце – твой голос: «Прости».

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце – под гнётом труда,
А на небесном просторе —
Ты – золотая звезда.

6 сентября 1901, Почтовый поезд

Посвящение

Встали надежды пророка —
Близки лазурные дни.
Пусть лучезарность востока
Скрыта в неясной тени.

Но за туманами сладко
Чуется близкий рассвет.
Мне мировая разгадка —
Этот безбрежный поэт.

Здесь – голубыми мечтами
Светлый возвысился храм.
Всё голубое – за Вами
И лучезарное – к Вам.

18 сентября 1901

* * *

Пройдёт зима – увидишь ты
Мои равнины и болота
И скажешь: «Сколько красоты!
Какая мёртвая дремота!»

Но помни, юная, в тиши
Моих равнин хранил я думы
И тщетно ждал твоей души,
Больной, мятежный и угрюмый.

Я в этом сумраке гадал,
Взирал в лицо я смерти хладной
И бесконечно долго ждал,
В туманы всматриваясь жадно.

Но мимо проходила ты, —
Среди болот хранил я думы,
И этой мёртвой красоты
В душе остался след угрюмый.

21 сентября 1901

* * *

Снова ближе вечерние тени,
Ясный день догорает вдали.
Снова сонмы нездешних видений
Всколыхнулись – плывут – подошли.

Что же ты на великую встречу

Не вскрываешь свои глубины?
Или чувствуешь иного предтечу
Несомненной и близкой весны?

Чуть во мраке светильник завижу,
Поднимусь и, не глядя, лечу.
Ты же в сумраке, милая, ближе
К неподвижному жизни ключу.

14 октября 1901

На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.
О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.
Наш путь – степной, наш путь – в тоске
безбрежной —
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной —
Я не боюсь.
Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...
И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица

И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...

Останови!

Идут, идут испуганные тучи,

Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!

Плачь, сердце, плачь...

Покоя нет! Степная кобылица

Несётся вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:

Не вернуться, не взглянуть назад.

За Непрядвой лебеди кричали,

И опять, опять они кричат...

На пути – горючий белый камень.

За рекой – поганая орда.

Светлый стяг над нашими полками

Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,

Говорит мне друг: «Остри свой меч,

Чтоб недаром биться с татарвою,

За святое дело мёртвым лечь!»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залёг с ордою
Степи и мосты,
В тёмном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?
Перед Доном, тёмным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.
С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.
И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.
Орлий клёкот над татарским станом

Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.
И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде, свет струящей,
Не спугнув коня.
Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моём плече.
И когда, наутро, тучей чёрной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали?...
Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,

Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.
И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!
Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.
Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.
Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моём,
И падают светлые мысли,
Сожжённые тёмным огнём...
«Явись, моё дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.
За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.
Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

23 декабря 1908

Поэтическая галактика

Юлия Александрова

Преподаватель английского языка, доцент Всероссийской академии внешней торговли. Поэт, прозаик, член МГО Союза писателей России с 2009 г. Печатается в газете «Мос-

ковский литератор», журналах «Великороссь» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и трёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В. В. Маяковский» и медалей «М. Ю. Лермонтов» и «И. А. Бунин».

Уголки России

Я душой рисую уголки России:
Церковь с колокольной на пригорке ждёт,
Лес вдали за полем отливает синюю,
Сквер под пёстрой шалью погулять зовёт.

Деревенский домик дарит радость детства,
Море лижет руку, как бездомный пёс.
Горы и озёра – славное соседство,
И навис над речкой господин утёс.

В речке пудрят носик облака и небо,
На лугу танцуют бабочки фокстрот.
Приезжай в Россию, если ты здесь не был —
Сразу дух захватит от её красот.

А счастье любит...

А счастье любит тишину:

Когда танцует осень польку,
Земли листвой коснувшись только,
Она взмывает в вышину.

А счастье любит чистоту:

Когда кругом царит движенье,
Зима-невеста, вся в круженьи,
Надела платье и фату.

А счастье любит яркий свет
Лучей, летящих с неба птицей.

Весна-проказница резвится —
Её счастливей в мире нет.

А счастье любит запах трав
В лесу, в саду и в чистом поле.

Бродяга-лето ценит волю,
Лелея свой свободный нрав.

А счастье любит... но не всех.

И в яркий день, и в непогоду
Оно в любое время года
Влюблённым дарит звонкий смех.

Рукодельница-осень

Рукодельница-осень ткала гобелены,
Создавая картины полей и садов.
Так хотела она, чтобы были нетленны
Разноцветные нити деревьев, кустов.

Из-под рук выходили цветные полотна,
Полыхала кармином и охрой листва.
И стежки из травинок ложились так плотно,
Что накидкой на землю казалась листва.

Тополей и берёз золотые кафтаны,
Облаков кружева, обрамляющих Русь.
Сероглазая осень, зашей мои раны,
Чтоб из них не сочились тревога и грусть...

* * *

Я вручила тебе свою душу, как вазу
Из фарфора с рисунками птиц и цветов.
Недоверчива я, но доверилась сразу,
И не знала, что взять ты её не готов.

Ты диковинный дар разрушал по частицам:

От потока из лжи все завяли цветы,
Обещания крылья подрезали птицам,
И остались в осколках о счастье мечты.

Я осколки души снова вместе сложила,
Обожгла их в печи под названием «Любовь»...
Как судьба бы ни била меня, ни кружила,
Мою душу спасает Господь вновь и вновь.

Сонет

А как найти себя в обрывке дня
Из утренней прочитанной газеты
Иль в записи заезженной кассеты,
Что так давно не радует меня?

Иль в масках затаившихся врагов
И в теме, до оскомины банальной,
В мелодии такой сентиментальной,
Что в памяти всплывает вновь и вновь?

В бутоне нераскрывшейся мечты,
В отложенном на долгий срок вязаньи,
И в листике угасшего желанья
Увидеть вдруг знакомые черты?

Увидишь радость, потрясение, испуг —
Ты только посмотри скорей вокруг!

Прорисую в памяти черты

Прорисую в памяти черты:
Папа за столом и с сигаретой,
Мама всё хлопочет у плиты,
А в разгаре сказочное лето.

Облаком прищурив левый глаз,
Солнце бьёт лучами прямо в окна.
Яблони листвой играя джаз,
Ветер теребит упавший локон.

Где-то птахи весело поют,
И шмели гудят над медоносом.
А в душе моей царит уют —
Взрослые решают все вопросы.

Рядом с ними чувствую покой.
Тянется ириской в детстве время...
Память я прошу: «Ты успокой,
Чтобы не давило тягот бремя».

Весеннее...

Добавьте красок в вашу жизнь,
Ведь за окном весна в разгаре.
Сквозь дымку в розовом муаре
Слагает небо витражи
Из разноцветных облаков:
Вверху светлее, снизу серых.
В них есть Любовь, Надежда, Вера —
Они свободны от оков.
На ветках клейкие листки
Дрожат, когда подует ветер.
И нет нежнее их на свете.
Не умирают вопреки
Морозам лёгким по ночам:
В апреле стойкость им присуща.
Ряды из новобранцев гуще
День ото дня. Хвала лучам!
Они нацелены в окно,
Пускают зайчики на стенах.
О! Это дар такой бесценный,
Но скоротечен всё равно.
А птицы весело поют —
Им скоро пищи будет вдоволь.
Их песни, как молитвословы.

Призвание их – дарить уют,
Дарить спокойствие сердцам,
Что по весне так тосковали.
Ведь скоро Пасха. Прочь, печали!
Господь, будь милостив Ты к нам!

Городской вечер

Дождём рисует туча красоту.
Стекают капли с вишен по соседству.
Ветвей благословляя наготу,
От счастья замирает нынче сердце.

Смывает дождь печаль от прошлых лет,
Уродливые жизни неудачи,
И оставляет на земле следы побед,
Они ведь в нашей жизни много значат.

Стоят по-стариковски фонари —
Согнулись, опираясь на луч света.
И освещая двор, промокший изнутри,
Не ждут нисколько наступления рассвета.

А люди ждут и верят, что пройдут
И дождь, и ночь. И вновь наступит утро.
Растает в дымке много горестных минут,

Росу окрасит солнце перламутром.

Глотки жизни

Смотри на сутки, как на маленькую жизнь:
Проснулся ранним, свежим утром – это детство.
И впереди открытий много. Ты держись —
От игр смелых можно сильно раскраснеться.
Затем улыбкою встречаешь яркий день:
То юность дарит чувств богатых половодье.
А в полдень сразу исчезает страха тень.
Покрепче ты сожми в руках судьбы поводья.
Затем смеркается. Сквозь занавес ресниц
На землю зрелости струится тёплый вечер.
Перевернув немало жизненных страниц,
Набрось из опыта накидку ты на плечи.
Совсем стемнело, мудрость ночи настаёт,
С собой познание приносит вечных истин.
И обращается вода в хрустальный лёд,
Его осколки, как мазки широкой кисти.
Проходит жизнь в одном порыве, словно миг,
Её глотаем, но глотков всего четыре,
И если вкус глотка ты каждого постиг —
Тогда сполна познал и счастье в этом мире.

Какое бы ни было лето,
Оно твоим чувством согрето —
Любовью к пастельным рассветам,
К туману над старым прудом.

К зажжённым, как свечки, люпинам,
Струящимся ивы седидам,
К цветущим душистым жасминам,
Что память хранят о былом.

И к лугу, где травы примяты,
К реке, где так страстны закаты,
И к дивному запаху мяты,
Проникшему в соты души.

К ласкающим слух песнопеньям
И к тучам, дарящим волнение.
Возьми эти чудо-мгновенья
И в сердце создай витражи.

Александр Андронов

Автор книг: «Старый дом», «Прощай, деревня», «Душа»

скупают по добру», «Печаль нам в радости дана», «Всё будет хорошо». Награждён Золотой Есенинской медалью, медалью И. А. Бунина. Заслуженный поэт Московии. Действительный член Международной академии русской словесности, член-корреспондент Академии поэзии. Член Союза писателей России.

В январе

В январе на дворе всё мороз да метель,
В январе на заре остывает постель.
В январе на заре сизый дым над трубой,
Белым снегом укрыт в речке лёд голубой.
В небесах в январе голубая звезда,
Санний путь в январе не ведёт никуда.
В январе не появится мысль о жаре,
Даже память о лете не может согреть.
Дни как будто застыли во мгле и снегу,
Старый год проводили во тьму и пургу.
Сказкой русской идёт по земле Новый год,
С верой в чудо, которое произойдёт.
Мы, не станем скрывать, не легки на подъём,
Только нас не догнать, если вдруг запряжём.
Где над снежной землёй голубая звезда,
Мы такие, и будем такими всегда.

Падают листья

А осенью так сладко умереть,
Суть осени уход предполагает.
И медь листвы под траурную медь
Последнюю дорогу пролагает.
Средь листопада тёмные кресты,
И где-то здесь, меж них, душа витает.
Неслышный снег осенней красоты
Кладбищенские веси замечает.
Листвой забила жизнь колея,
Оборвалась внезапно у могилы.
Душа нетленна, плоть уже остыла,
И неважны каноны бытия.
А рядом мир, прекрасный и большой,
Был твой он до смертельного озноба.
Лист клёна, показавшийся душой,
Задумчиво парит над крышкой гроба...

Идём на посадку

Земля во тьме и небосвод чернеют,
Багровой полосой горизонт.
Огни Москвы, как головёшки, тлеют,
Контрастом отмечая свой резон.

Ночных шоссе цветная паутина
И на дыбы встающая земля, —
Крыло задрав, меняет курс машина,
Натянутые нервы шевеля.
Бегут потоки темноты и света,
И город беспредельный подо мной.
Загадочный, как новая планета,
Огромный, будто целый шар земной.
В салоне свет потух, и, в полумраке,
В иллюминатор проглядев глаза,
Мы видим: будто траурные маки,
Под нами запестрела полоса...
Всё обошлось: удар колёс о землю,
Аплодисментов жидкие хлопки.
И страх прошёл, мы телефонам внемлем.
С посадкой, дорогие земляки!

Жара

Жара над землёй плыла,
Жара по земле текла.
Текла по стволу смола,
Вишнёвая, как пастила.
Ни облачка, ветерка —
Совсем обмелела река.
И дым Шатурских болот

Вот-вот и до нас дойдёт.

Нещадны небес лучи,
Набат в голове звучит,
Поблёкли земли цвета,
И кровь, как сироп, густа.
От крови шальной слепень
Шарахнулся о плетень.
Не видно в крапиве кур,
Петух раздражён и хмур.

Тверда, как асфальт, земля,
Пожухли цветы в полях.
Полинь пора огород
Под вечер, как солнце зайдёт.
А как обгорела спина!
Знать, помнит о нас сатана.
И ждёт милосердных дней
Деревня забытых дождей.

Самопознание

Вновь пролетело лето,
И с переменой цвета
Вновь мир свою меняет ипостась.
Опять на сердце льдинки,

И ноги по тропинке
В осенний лес несут, не торопясь.

Там, вдалеке от многих,
Ты подведёшь итоги,
Увидишь жизнь свою со стороны.
Где ты перед собою,
Пред Богом и судьбою
Поймёшь: твои намеренья честны.

И новыми глазами
Ты смотришь со слезами
На мир, где увядание и тлен.
И молишься минуте
Прикосновенья к сути,
И сам себе поможешь встать с колен.

Колдунья

Загадочное небо и луна,
Мы молоды, и ты со мной нежна.
И мы с тобой под звёздами бродили,
И звёзды этот путь благословили.
Безмолвная над нами ночь плыла,
И взбалмошной колдуньей ты была.
Босая, без сомнений и печали,

И нас ручьи руладами встречали,
И у небес качались купола.

Ты сказочного рыцаря ждала,
Но ничего поделать не могла,
Когда с тобой случайно повстречались, —
Друг другу мы судьбой предназначались,
Ты Господом была мне суждена.
А мы над неизбежностью смеялись,
Ловили миг и чувства не боялись,
Колосья в поле рук твоих касались,
И лес шептал листвою: «Влюблена...»

Луна в ночи бесстыдна и желта,
И призрачно сияет нагота.
Я вижу звёзды сквозь тебя, нагую,
Я до сих пор не знал тебя такую.
И в небесах вдруг новый звук возник,
Звук торжества, переходящий в крик.
И вечный свет из глаз твоих ласкает,
И молодость усталости не знает,
И замутиён невинности родник.

Колоколов небес раздался звон,
И поднялась заря со всех сторон.
Ты в небе, ошалелая, летала,

И на щеке твоей звезда блистала.
И над лугами радуга взошла,
Ты место в новой сказке обрела:
Другая жизнь, свечой, в тебе дрожала
И над собой небесный свод держала,
И Матерью земною ты была.

Осень как предчувствие

Мы чувствуем её прикосновенье,
И грусть её мы чувствуем сполна,
Её небес холодное движенье,
Её лесов прозрачные тона.
Ковёр листвы, нагих деревьев холод,
И мыслей строй – напиться и страдать.
Коль русский ты, будь ты хоть стар, хоть молод,
Всё ж осенью с душой не совладать.
Пусть мир застыл в предчувствии утраты,
Ты смотришь на него, едва дыша,
Опять во всём как будто виноватый...
Она, как осень, русская душа.

За горизонтом

Загадочны заката кружева,
Внезапный ветер ветками играет.

Почти стемнело, ночь опять права,
И жутковато сердце замирает.
А старый покосившийся фонарь
Пятном желтеет, никому не нужный,
Кромешной тьме неимоверно чуждый,
Забытый, будто в бархате янтарь.
И в этой тьме далёкий горизонт,
Черта, где небо сходится с землёю.
И Млечный Путь широкой колеёю
Небесной тверди разрезает зонт.
И здесь мой мир, мой век, моя звезда.
И горизонт, затерянный во мраке.
А жизнь за горизонтом – просто враки,
Её и не бывало никогда.
Но нити мыслей тянутся туда,
И рвутся, ничего не достигая...
Хоть им бродяга-ветер помогает,
Они, как волны, гаснут без следа.

Она придёт

Она придёт, торжественно, не споро,
Привычному желанью вопреки.
Листву уронит, выстудит озёра,
Предложит детям санки да коньки.
Водою тёмной, голыми лесами,

Полей забытых брошенным ковром
Сырая осень явится пред нами
Огнём рябины, снега серебром.
Взмахнёт крылом испуганная птица,
Будя прощальным криком край родной.
И дай ей Бог обратно возвратиться
Далёкою и тёплой весной.
А мрак небес и холод отчужденья
Найдут приют в распахнутой душе.
Где осени дождливой пробужденье,
Там лето исчезает в мираже.

Антонина Белова

Филолог-русист, стихи пишет с детства, олимпийский победитель, призёр и лауреат многих поэтических турниров

и фестивалей как в России, так и за рубежом. Автор восьми поэтических книг, член Союза писателей России. Творчество удачно сочетает с научно-педагогической деятельностью – кандидат филологических наук, доцент, автор более пятидесяти научных статей по поэтике.

Антонина

Моё имя меня хранит,
В нём и музыка, и гранит.
Равновесие весом в море,
Расплескавшееся во взоре.
Прочный сплав глубины и звука,
Где лишь И – тетива у лука.
Плечи Тэ, как атлант, тверды —
Дар небесной им высоты.
Эхо дразнят три звонких Эн,
Вечно жаждущих перемен...
Якорь, помнящий сердца стук, —
Тонет О от сердечных мук.
Но спасает, как в бурю плот,
Ясных А безупречный ход.
И зеркальность конца в начале
Все оттенки собой венчает.
Тайна имени как судьба —
Круг бессмертный от А до А.

* * *

Почудится в апрельской синеве
намёк на нежность, на неотвратимость
любви твоей, оставшейся во мне
как недосказанность, как милость.

Почудится, что ты ещё живой,
с усмешкой ласково-открытой,
и взгляд настойчиво призывный свой
не прячешь за словесной свитой.

Почудится... И тихим небесам
пошлю привет, озноб преодолая,
и их нетленным, вечным парусам
подставлю душу – новая, другая...

* * *

О чём ты воешь, ветер ночной?

Ф. Тютчев

О чём тоскуешь, ветер полночный,
и гнёшь, и гнёшь ветвей узлы,
водой клокочешь водосточной
в потоках, что темны и злы?

О чём гудят твои ветрила,
небесный шёлк грозя порвать,
какая неземная сила
тебя повергла так страдать?

Какие ты нарушил меры
и чьи законы преступил?
Какие грозные химеры
тебя терзают что есть сил?!

Услышь меня, полночный ветер,
душа твоя мне так близка:
мы одиноки в этом свете,
и наша ноша не легка.

* * *

Гроза лукавила, ждала и в ночь,
Когда у тьмы неразличимы ветви,
Стыд прогнала без промедленья прочь,
Рванувшись вниз, как от погони вепри.
Она вонзала молний злых клыки
Во всё пространство – тёмное, живое,
В коротких вспышках неба островки
Как будто бы сдавались ей без боя...

Она рычала, рыкала, рвала
Небесный шёлк на всполохи и блики,
Казалось, что земля была мала
Грозе-колдунье в бешенстве и крике!
Но час прошёл, и каплями с листа
Вода стекала, время наполняя...
Гроза ушла – промыта и чиста,
Земля напоминала благодать рая...

* * *

М. Цветаевой

И снится Елабуга, гостьей незваной
Как здесь оказалась? – С тропы не сойти,
Ты стала сестрою татарской – названой,
Землёю сыпучей, что тает в горсти.
Как загнанный зверь, окружённый бедою,
Ты в слове пыталась свободу найти.
А брэнную славу с её слепотою
Оставишь томиться на крестном пути...
Тебя различаю в толпе безыскусной:
Две острых морщинки прижались к лицу,
И мысли о смерти, о немощи грустной
Тебя приведут к роковому венцу...
Стоишь на Голгофе мишенью живою,

Душе не отринуть бесовский огонь...
Как всё поросло безмятежной травой,
Татарскую пыль растирает ладонь.

На Нерли

Вот так, как плещется река
В неброский берег еле-еле,
Качая в сердце облака...
Как ветер вечный – кроны елей,

Вот так, как тихая трава
Склоняет тельце пред шагами,
Как эта церковь Покрова,
Единственная пред веками

Свечою светит, чтобы свет
Её вовек не знал заката...
Как не смогли Борис и Глеб
Поднять свои мечи на брата.

И как смиренно принял царь
Венец божественный – не царский,
Так пусть души твоей алтарь
Согреет свет любви братской.

Повесть временных лет

Не спи, мой Нестор, пусть перо дрожит,
стекает на пергамен чернью влага,
и мыслей чистых быстрая отвага
спешит излить стремления души.

Монах, доверься чистому листу
и голосу молитвы внемли тихо,
ведь время не умерит своё лихо, —
останься верным Богу и кресту.

Оно не в силах Слово победить,
ему не обесценить повесть эту:
в ней есть душа бессмертная поэта —
веков былых связующая нить...

Скрипи, перо, – у ночи краток срок,
потрескивай, свеча, свидетель тайный,
ложитесь, строчки, в слог необычайный —
ему не страшен времени порог!

Мой Петербург

Уже пять лет прошло. Пора, пора

Вдохнуть твой воздух северный, прозрачный.
Ночей июньских облик новобрачный
Встречать, ресниц не смежив до утра...
И чувствовать, как жизнь стучит в висок,
Сгущаясь в сердце от разлук и боли, —
Извечной спутницы земной юдоли,
Пересыпающей для Хроноса песок.
И с каждым днём тоска во мне сильней,
Пора, пора к зыбучим белым дюнам,
Туда, где в ветре жалобном, угрюмом
Расслышу зовы дальних, юных дней.
Пусть холодна балтийская волна,
Пусть чаек крик пронзителен и страшен —
Ты для меня, как прежде, очень важен,
Мой Петербург, души моей струна...

* * *

Я прошу: да помилуй, Боже!
Мне страданья по силам дай.
Только Ты здесь душе поможешь,
только Ты знаешь боли край.

Лишь теперь поняла: не шутка...
И что поздно бежать назад:
жизнь одна лишь – без промежутка,

только звёзды вверху дрожат...

По звезде, по обломку синей,
самой жгучей живой звезды,
по лучам её зыбких линий
до заветной лететь черты...

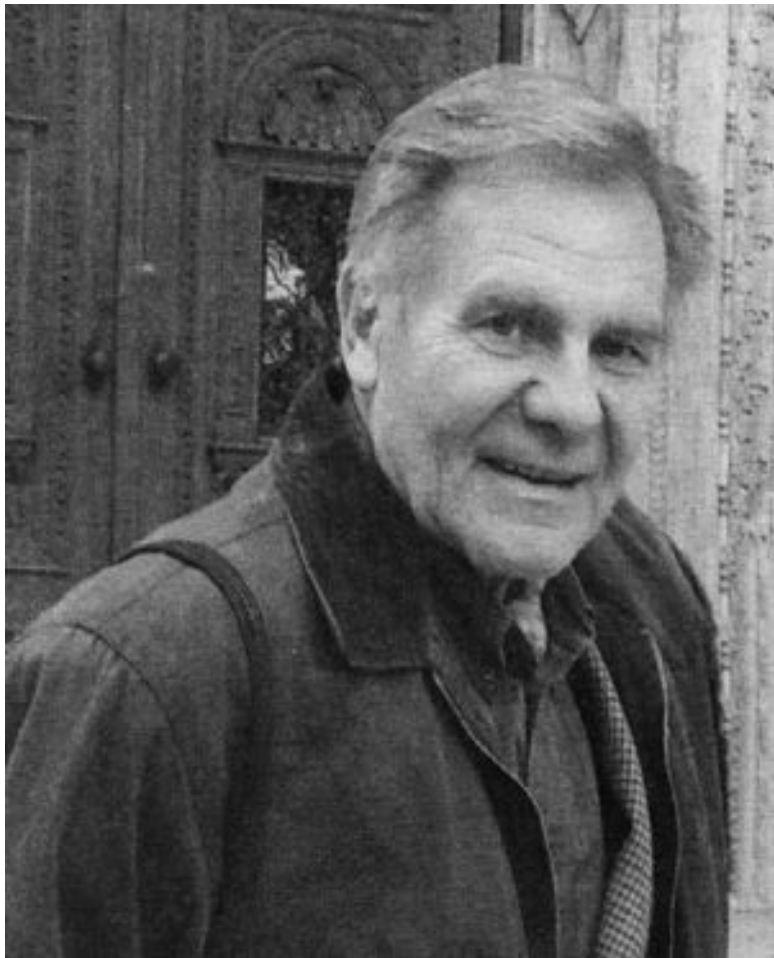
* * *

Мне не приснились ласковые сны...
Возьми примету северных народов,
назад возьми – мне южной стороны
роднее синева небесных сводов.

Пусть дней своих нам не соединить —
один лишь миг, глоток, кусочек жизни
был как подарок нам, той тайны нить
давно оборвана судьбой капризной...

Благословляю дней твоих печаль,
благословляю всё, что душу грело,
что в сердце живо, будущего даль —
до самого последнего предела....

Александр Бобров

Поэт, публицист, критик, фольклорист, бард. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького, кан-

дидат филологических наук, профессор кафедры журналистики МосГУ и МГУКИ. Работал в газете «Литературная Россия», в издательстве «Советский писатель», где был главным редактором, на телевидении и радио. Член редколлегии газеты «Советская Россия», журнала «Русский дом».

Автор сорока четырёх книг поэзии и прозы, только в 2015–2016 гг. вышли издания: «Две славянские души», «Святые и символы России», «Звезда над озёрами. Книга о брате-Герое», «Литературные усадьбы России». Секретарь Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии, лауреат премий «Слово к народу», «Имперская культура», им. Д. Б. Кедрина «Зодчий», им. А. И. Фатьянова «Соловьи, соловьи...», награждён Большой золотой медалью А. С. Пушкина.

Родина облаков

Строчки, предания, были
Вновь оживут на ветру,
Где над рекою дымили
Десять могэсовских труб.

Вид их – и грозен, и светел,
Не замерзает река.
Сын мой однажды заметил:
Тут рождены облака.

Даты, признания, встречи
Тают в тумане веков...
Личное Замоскворечье —
Родина облаков!

Навечерие Рождества

Я всегда хоть на мгновенье
Вспоминаю в эти дни
Запах ели, вдохновенья
И малеевской лыжни.
Не осталось даже фото
Нас, успешных, молодых...
Перечислю – мне охота! —
Многих нет уже в живых:
Поликарпов и Устинов,
Юрий Коваль и Кушак —
Не делю их, но постигну,
Кто мне друг, а кто лишь так...
Там – Аичутин и Куняев,
Там – Дагуров и Бобров...
На снегу в футбол гоняем,
Выпиваем – будь здоров!
Мы в одной стране творили,
Чтоб за совесть – не за страх,

Не о «бабках» говорили,
А о бабах и стихах...
Нет Малеевки любимой,
В перелесках – никого,
Лишь бесшумный лёт свиный...
Скоро полночь. Рождество.

6 января 2017

Выпросили...

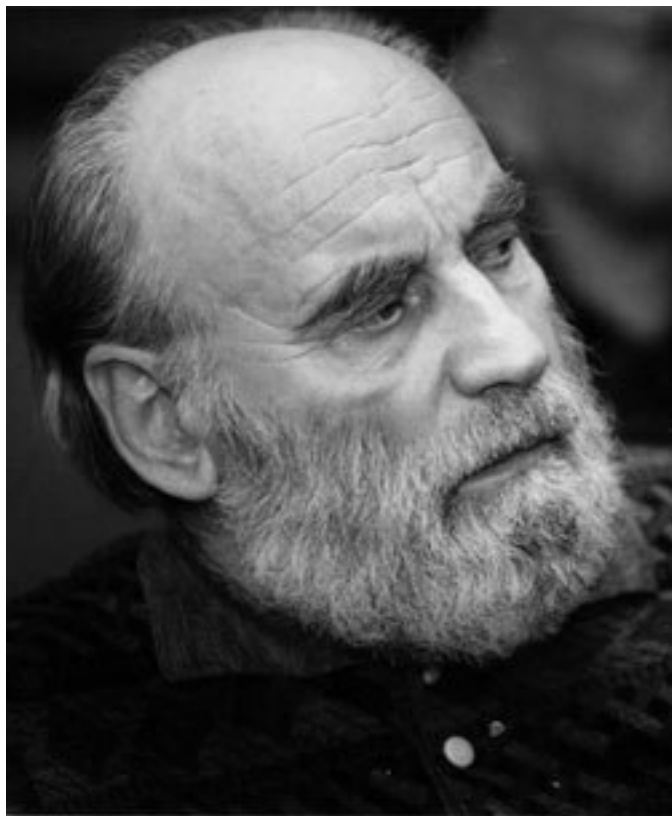
Мы ведь ждали такого, просили —
В целом свете, наверно, одни —
С Рождества воцарились в России
Ломовые морозные дни.
Эти синие тени на снеге,
Эти взвизги тропинок тугих...
В 21-м пылающем веке
Не бывало морозов таких.
Повторяют погодную новость
Все, кто делает знающий вид.
А к чему бы такая суровость? —
Сам Создатель не объяснит...

7 января 2017

Сердце не устаёт – не из такого сплава
Этот живой мотор. Не устаёт, щемит...
Птица ли закричит за перелеском справа,
Песня ли зазвучит, речка ли зашумит —
Голову поверну и не посмею хрустнуть
Веткой сухой ольхи,
сбросившей листьев груз.
Разве нельзя любить и предаваться грусти?
Главное, не предать родственных этих уз
С музыкою земли,
с каждым из вечных звуков,
Тех, что вошли в меня, словно замкнули круг.
Станет ли сын меня в светлом лесу аукать,
В ельнике ли густом тихо окликнет друг —
Голову поверну, стану неслышным эхом
Тех, кому нужен я, а не тщеславно – всех...
Разве на смех всегда надо ответить смехом? —
Главное, не смутить чей-то счастливый смех.

Юрий Богданов

Родился в 1944 г. в Горьком, окончил Минское музыкальное училище им. М. И. Глинки (1964 г.), Литературный ин-

ститут им. А. М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты) «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклюнуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встанька», «Пётр и Февронья», трагедий: «Джульетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, академик Петровской академии наук и искусств.

Из короны венков сонетов «Святой венец Руси» III

Святые князья-страстотерпцы Борис и Глеб (90-е гг. X в. – 1015)

1

С верой в Тебя наши пращуры жили
Искренне, праведно, не на авось.

Жизнь на Отчизны алтарь возложили
Те, кому истинно дорог Христос.

Не совратили ни слава, ни злато,
Не поддались на духовный разврат;
Друга любили, как кровного брата, —
Ведь и за них был Спаситель распят.

В Лету не канули их имена —
Россия была, есть, да будет сильна!
В битвах за землю свою погибали...

Но предавать веру в Бога нельзя —
Се с колыбели доподлинно знали
Пахарь, дружинник, чернец и князя.

2

Пахарь, дружинник, чернец и князя
Смело вливались в ряды ополченья:
Крепла заступников храбрых семья —
Не было в этом и тени сомненья.

Опустошеньем грозит печенег —
Вновь собирает Владимир дружину:
Войску вручает любимого сына

С верою, как вековой оберег.

Знал, что по силам тяжкая миссия
Лишь венценосному князю Борису,
Кой перед Господом обликом чист.

Младшие дети отцу боле милы:
Рода наследники – Глеб и Борис
К вере Христовой душой не остыли.

3

К вере Христовой душой не остыли
Люди из той старопрежней дали:
Долгие службы стояли, постили,
Праздники церкви строжайше блюли.

Глеб и Борис с молоком материнским
Духом впитали молитву Христа:
Жизнь без неё и без дела мертва
Или проходит никчёмно, по-свински...

И возрастали малые дети
В смирении и добродетели —
А потому безгранично любимы.

Надежда Владимира – сыновья:
И предвещал, что сиречь будет ими
В небо ториться молитвой стезя.

4

В небо торится молитвой стезя:
Борис без моления – в жизни ни шагу.
Бог – человеческим поступкам судья —
Подавал ратоборцам в битве отвагу.

В походе суровом службы вели,
Перед сраженьем свершали молебен
И Богородицу видели в небе —
Святую заступницу русской земли.

Чтобы народ Её не поредел,
От брани кровавой Русь оградила:
Бежал восвоеси ворог постылый —

В сечи войска не сошлись с печенегом
И возвращались в родимый предел.
Но смерть вилась над Борисом и Глебом.

5

Но смерть вилась над Борисом и Глебом:
В закланье своё не верил Борис —
Братоубийство казалось нелепым,
Но понимал: путь к спасенью тернист.

Умер отец! Весть об этом в походе
Сердце Бориса пронзила стрелой —
Затрепетало... Был день на исходе.
Установил свой шатёр над рекой.

Только вчера отпустил он дружину —
Не восхотел силой Киев пленить:
С братьями в мире надеялся жить.

Сущим защитником был ему Бог.
Но надвигалась лихая година:
Дерзких убийц подослал Святополк.

6

Дерзких убийц подослал Святополк:
Скрытно к шатру подступила орава...

Но неизвестная сила сдержала —
Плач и молитву донёс ветерок:

*«Не отвергай слёз моих, Вездесущий,
Я на Тебя во все дни уповаю,
Жребий святых Твоих в жизни грядущей
Я разделить в отчаяньи чаю.*

*Спаситель! Умножились наши враги:
Скопища псов меня окружили,
От окаянных живот охрани!*

*Рыкают хищники в дебрях свирепо —
Как и мой брат, о кресте позабыли:
Знать, не вкусил он духовного хлеба».*

7

Знать, не вкусил он духовного хлеба:
Вместо молитвы – злобные речи...
Дух, не привеченный Богом и небом,
Чёрною меткой долей помечен.

Рядом с шатрами шёпот зловещий
Вдруг услышал он убийц вероломных,
Лязги мечей, словно скрежет зубовой:

Рок оказался братом предвещен.

В молитве просил, чтоб Спаситель помог,
Но в грудь младую копья вонзили —
Был ещё жив, когда увозили...

Господь загоил бы рваные раны!
Брата добить приказал окаянный:
Крови алкал, аки бешеный волк.

8

Крови алкал, аки бешеный волк:
В зверском побоище не было смысла.
Множество отроков «стая» загрызла —
Каждый с Борисом за веру полёг.

В душу злодея вошёл сатана
И соблазнял на лихое убийство,
Спутал несчастному здравые мысли
И отобрал у спокойного сна;

Шепчет ночами: *«Расправу таи».*
«Ежели братья узнают мои
Что я содеял... Рассудка лишился?..

Чем за жестокость мою воздадут?»

И вероломно, презрев Божий суд,
Глеба сгубить окаянный решился.

9

Глеба сгубить окаянный решился —

Адова не убоялся огня

И Вседержителя не устрашился:

«Участи две ожидают меня...

Горшая – плата за преступленье.

Если не та – отнимут престол

Отца моего за грехопаденье...

Горечь разъест моё сердце, как соль.

Княжить на вотчине будет другой,

Но не смогу стать я верным слугой...

От мира уйти?.. В монахи постричься?

Убил я того, кого Бог возлюбил...»

Оставить злодейство в нём не было сил:

С жутью лишения власти не свыкся.

10

С жутью лишения власти не свыкся...
Прибыл к блаженному с вестью гонец,
Что якобы тяжко болен отец,
Чтобы явиться в Смоленск торопился.

Перед отъездом Глеб кликнул дружину.
В походе узнал о смерти Бориса.
Выйти на берег было бы риском —
Остановился в ладье на Смядыни.

Подплыли на лодках мрачные лица:
Поняли все – это злые убийцы, —
Дикая смерть не пройдёт стороной...

Пока Ярослав силы мести копил,
Злодей всё святое безбожно губил:
Братьям грозил разореньем, войной.

11

Братьям грозил разореньем, войной:
Тысячи душ погубил он в сраженьях,

Да не однажды терпел поражения,
Как с Ярославом в борьбе роковой.

На Альте разбитый, в безумьи бежал,
Умер бесславно в месте пустынном:
Злодея треклятого Бог наказал —
Смрад от могилы исходит поныне.

Борис упокоен... Но Ярослав,
Бога на помощь в молитвах призвав,
Глеба останки искал беспрестанно.

Мощи его чудотворно нашлись:
Голубкой слетела горняя мысль —
Глеб и Борис были Богу желанны.

12

Глеб и Борис были Богу желанны:
Их обошло вековечное зло;
Чтобы в их души оно не вошло,
Бога молили они неустанно.

За суетность власти без веры, мольбы
Не волили старшим насильственной смерти:
Святости жизни желали всем сердцем,

Жили в смирении, братской любви.

Спаситель приветил подвиги их —
Первых в Руси страстотерпцев святых:
Светом небесным они осияны;

Их не оставил во мраке и зле
На неприветной и грешной Земле —
Жаждали жить со Христом покаянно.

13

Жаждали жить со Христом покаянно:
Биться за власть с братом – Бог упаси!
Приняли жуткую смерть от тирана
Ради спокойствия в Древней Руси.

Стало примером для русского люда
Непротивление смертному злу.
Подвиг святых – Вседержителя чудо:
Глебу с Борисом возносим хвалу!

(Стану кадильным дымком я во Храме,
Позолочённой иконною рамой
Или слезинкой свечи восковой).

Ваши молитвы – как ангелов крылья, —
Верой великой вы Богу служили,
Правды в сердцах не искали иной.

14

Правды в сердцах не искали иной
Стражники Русской земли и опора.
Чтобы не быть у врага под пятой,
Не допустите в Державе разора!

Злобу и мор удалите от нас,
Да не коснется беда и болезни:
Грешные – мы уповаем на вас,
Чтоб не исчезнуть в космической бездне!

Наши молитвы – сердцем убогих —
Вы донесите Господу Богу,
Чтоб наши помыслы святость хранили!

Вашим прошением рассеется мрак —
Надо нам жить в православии, как
С верой в Тебя наши пращуры жили.

С верой в Тебя наши пращуры жили:
Пахарь, дружинник, чернец и князя
К вере Христовой душой не остыли —
В небо торилась молитвой стезя.

Но смерть вилась над Борисом и Глебом:
Дерзких убийц подослал Святополк
(Знать, не вкусил он духовного хлеба), —
Крови алкал, аки бешеный волк.

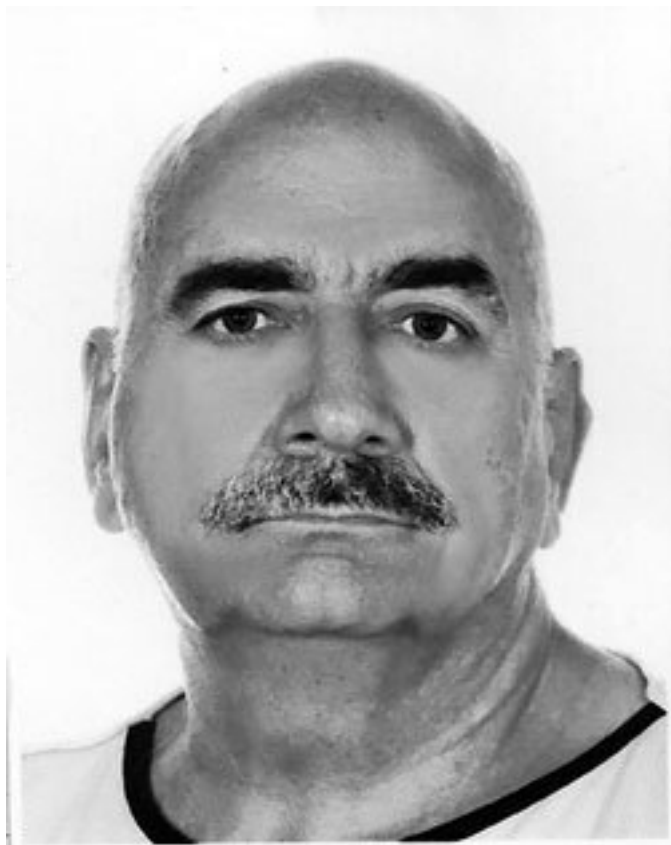
Глеба сгубить окаянный решился...
С жутью лишения власти не свыкся —
Братьям грозил разореньем, войной.

Глеб и Борис были Богу желанны:
Жаждали жить со Христом покаянно,
Правды в сердцах не искали иной.

**Любимыми
сыновьями
Владимира были
Глеб и Борис.
Владимир
собирался
передать престол
Борису.
Это очень не
нравилось
Ярославу и
Святополку.**

Игорь Бойко

Льёт, пьёт, шьёт дело, всё никак не кончит. Возможно, ждёт, что скажет третий кочет. Тот, как назло, в сомне-

нии молчит. И то, когда всё тяготеет к притче, будь многолик, иль примитив двуличен – она первое око, нежли щит. И кочета смущает лисий дух – тут грех пренебрегать оглядкой птичьей – не кукарекнуть бы в прах и пух.

Храм

Как ты пел, призывая разрушенный храм,
Видя образ и в людях, и водах, и небе.
И по слову тот в камне вставал... по годам
Твоей жизни... отныне в том камне ты сам —
Так по стенам и своду – ветвиться строкам,
Им сливаться и в сердце, изъятое требой.

Ипостасью вне храма – не эхо ли ты
Эха окаменелого? Ретро живое.
Впрочем, снова подобны. А жертв наживное —
Как в разрушенном... Бога живого черты.

Или колокол только собой оглушён?
Рост закланий, где был нереальной,
чем небыль.
Все предтечи и нынешний – твой перезвон.
...Как разрушен подобьем во истину не был.

Четыре стороны

Сам двуглавый полёт сутью знамя, как небо
на две стороны.

Век – на – век разум Запада, духи Востока
в крови сведены —

В сей купели отзывчивой, ныне на все
на четыре открытой.

Юг чернеющий вязнет в ногах, как пустынею
золота слитой.

Но столбом соляным – зеркала, где и окна
другого видны —

Завораживается кристалл стороны Ледовитой.

Гауптвахта

Здесь зимою искрится морозцем стена,

Покрывая и лёгкие вскоре подобием.

Как сказал бы поэт, по весне влюблена

Арестантами всею утробой обдолбанной

Одиночки не в лёгкие – в сердце твоё,

И ему предлагая своё содержание.

Ах, рубаха бетонная – здесь бытиё,

Ах ты, счастье дембеля, должность сержантская.

Душам не уберечься: всё путь да вокзал,
А телам – так взаимны сохранность и бдение —
Год с лихвой на «губе» ты других охранял,
А теперь те другие тебе охранение.
Том истории счастья всея на столе
Да устав, как инструкция по исполнению, —
Что из книг сюда вхоже...
Но кто там сто лет
Взглядом перебирает слова к исправлению,
За спиной – к превращенью. И вот табурет
Одноногий, железный, в бетон замурованный,
Перебрав позвонки да по веткам – скелет,
Ледяным это деревце делает поровну.

Гауптвахта Дрогобыча, сей монолит —
С горстью чисел и смыслов, кирзовых
да яловых,
В откровеньи устава твой голос хранит —
В одиночке, оттаявшем сердце дьявола.

Железка

Школяр стал грузчиком – среди дорог
Зубря железных жизнь... И вот красotka
Учётчица, под платьем зрея соком,
Зовёт, взирая вкривь... Ей невдомёк:

Любовь – мечта (обёртка – облака,
А лепестки – безумные страницы), —
На безымянный её косится
В кольцо... Все пальцем вертят у виска.

Все, да не все: в шампанском из горла,
Том, что положено на бой с излишком,
Струящемся по торсу дяди Гриши,
Русалочка – наколка замерла.
Чернильной рудой разбавя кровь
Давно – вся из неё так и не вышла, —
Полней созвучья ищет, ибо свыше —
Созвездьем в глубину струится вновь.

И как бы ни был вид открыт и прост,
Чем ни облит, сожжён, обласкан взглядом,
Разумчевее не сыскать наряда:
Хорошенькая грудь, игривый хвост,
Как ни купайся, тело налегке
В морской, шампанской пене и бездонной —
В расширенных глазах испуг мадонны
Сикстинской... и дрожание в руке.

Птицы

1

Если в каждой слезе есть мечта – этой капле
Господней
(помнят небо дожди и, сжимая, уносят в себе),
Жизнь – мечта, оглушенная гулом, глубины
исходят

Дотянуться волной... умножённо в единой
трубе.

И когда истощается гул, и ты скажешь, я вижу:
«Всё есть прах, только прах и замешан
на мёртвой воде»,

Небосвода воронка затянет расхристанной
жижей

Горстку птиц – это ты, сколько выпало тверди
тебе.

Но сбивается кучею рваною

Клин каравана —

Умри на восходе,

Крылья – гири, взмах невозможен,

И жжение схоже

Со звездою, проглоченной с ночью,
И лёгкие – в клочья,
Дыхание – пепел,
Сам воздух, как чаща
Хлыстов или петель...
Зависнув на миг —
Тело бросить – лететь без него —
Пока не выходит.
И тогда держит в небе
Кри-и-ик...
Один только крик.

2

Все когда-то летают... Кто сквозь океан
на манер
Альбатроса крылом-плавником загребая,
В перевёрнутом небе (всегда и во всём
отражённом,
Так идеи в своих эманациях)³, в сводах воды,

³ Тайным ракурсом небо повсюду: в любви и проклятии, в пропасти, вопле и в погребё сущю рубахеИз глины в излучинах света, в мышинном чулане – бабулином пугале детства, и в пуле, и в клюве, Тем паче, в ноже, тёплом, ласканном сердцем и пальчиками, ледяном, голубом, сером, ржавом —Но чтоб цвета глаз: от любимых и до ненавистных. По кругу оно – напослед – в той же, тойИзначальной слезе, что сжимает всё, всё перечисленное, плюс его двойников, Пусть не названных тут, как графиты алмаз (оттого и алмазной) безмерною зрячею каплей.

Уподобя глубины высотам, теченья – ветрам.

Кто кротом иль червём прогрызая, буравя
землицу:

Облака отражаются в россыпях твёрдых,
а тучи

В тектонических плитах, что трутся краями,
искрят

До ворчания старческого, то бишь, каменных
молний,

Что когда-то и своды взорвут, то бишь, череп
расколют.

Каменеют высоты – глубины, ветра и полёт.

Кто-то, спутав стихии, в паденьи вперяется, как

В земляное крыло – улететь, коль не в рай,
хоть из ада.

Тут среда несущественна, ибо парят и в огне,
Вплоть до пепла, до перистой сини, звезды,
головёшки.

3

Кто-то силится выразить небытие, тьмой
назвав.

Но подобьем не выразить то, что, увы,
не имеет подобья,

Ибо всё, что есть тут (в том числе и расхожая

тьма),

Нету там – за отсутствием этого самого «там».

Тебя около ощупью водит за ручку любовь.

Но как есть же, щемит же предчувствие
полного счастья,

Обретенья, как вспышки цветной, точно
так же и вспять,

И предчувствие горя щемит – ибо полной
утраты.

Будто держишь уже и не самую вещь
или жизнь —

Чёрно-белые их негативы, что тут же густеют.

Верно, чёрной предтечею (с цветом
и чувство, и мысль —

Весь ты, весь поглощённый растущеею пастью,
волной).

Как сказала б медкарта голимо: «Теряя
сознание»,

Что неточно, ведь и подсознание, полней:
пасть – волна

Выжимает из клеток твоих память, что
по наследству

От зверья и травы... с кожи холод с теплом
омывает,

Как наскальную роспись, доводит тебя

до ничто.

Ты вернёшься оттуда?.. Уж рядом – рукою
подать —

Будто трогаешь твердь, и она расступается...

Небо небытия...

А предтеча – его поднебесье.

Но побарывая... но выпутываясь... вылетая

Из предтечи, как снова слепив,

что неисповедимо

(сочетанье частиц, что есть ты... нет, ещё и не ты)

Микрокосм – из частиц высекает огнивом
твой дух.

(В мироздании так же?) И вот ты промыт,
как простынка.

4

Всё же крона исходно небесная гуще ветвями
полётов кренится.

Оперенье с другой стороны, но чеканны
монетными решками лица.

Крона генеалогий. Хоть кто-то её и трясёт,
Но тебе не годится – чужая монета не в счёт.

Что ж, копилка из праха разбита – твой грош
покатился – где блеск, где же звон?

Продырявит карман и ладонь – так зачем
из такой-то материи он?

Или всё ж из печали чеканен, неужто
настолько тяжёлой

(не всея ли Вселенной, что помнит о прахе
и мёртвой воде,

ибо смертна сама, выгорая той памятью
в каждой звезде) —

Будто кроною всею излита в один
оторвавшийся лист или жёлудь.

Хватит ли оплатить возвращенье?

Гулы – птицы, глубин оперенье.

Белая Русь

Матерь Божья, святая Россия,
в твоём доме чужие, чужие!

А в углу тёмной хаты, над лавками
Молит бабушка Боженьку лаковую,
Светлых ангелов над землёй —

Осеня могильными знаками
Грудь, истерзанную тоской.
Но летели железные демоны,
Осеня притихшие срубы,
За скользящими по ветру тенями
От домов оставались трубы.
Ты же выйдешь, молитв не читая, —
Значит, вовсе не смогу помочь.
Матерь Божья, Россия святая,
Защити свою кровную дочь!
Только скрипнет калитка, свисая...
Вот идёшь, белорусская школьница,
Твои косыньки пахнут смородиной,
И оцепленная околица —
Как терновый венец твоей Родины
«Мама, мамочка, лик человеческий —
Страшен,
Злобен овчарок лай!..
Что им надо, с чужою речью,
И зачем всех, как скот, – в сарай?»
Лес, лукошко, ты полон грибами —
Ах, как близко макушки торчат! —
Замороженными губами
В этом сне невозможно кричать.
Только чудится вроде: колокол
Из-за дальних лесов, реки —

Но как будто и возле, около
От незримой запел руки...
О неверие в ужас потребности!
Настежь двери в кишасый проём...
О надежда ступивших гуськом...
А потом – возносящийся в небо,
Голосящий стоусто дом!
И летят над стоустыми звонами —
Как над траурными знамёнами —
То ли аисты белые, грустные,
То ли ангелы, в хлеве сожжённые,
То ли души самой Белоруссии.

* * *

Как по камню, на ощупь искала в азарте,
Что предписано смутными знаками нам.
Пальцы жгла оживавшая звёздная карта,
И знамения тускло текли по телам.
...Вряд ли ты среди звёзд. На земле тебя нету.
Всем излишне стремнинам отыщется жгут.
Может, нынче ты в знаках, что бродят по свету,
Рассыпаются картой, да пальчики жгут.

Бабушкина церковь

Вытягивают до сердечка плиты
Тепло из ножек – каменным губам.
Но своды – око, облаком увито,
И тело разрывает пополам.
Мерцание свечей, как сны долины,
Ромашки, колокольчики, люпины,
И хлеб из глиняных ладоней – тот,
Где каплею перетекает мёд.
Скорее к Волге, где глазам ясней,
Река ли, небо – в них течёт синей.
В летучих купках белые наливывы
Ворочаются гулко и лениво,
И с треском обрывается, звеня,
Нагая ветвь летучего огня
Туда, за Волгу, где пески, пески
Укроют жизнь, себе они легки.
Бывает, всё на мёртвых водах, вроде,
Замешано из праха с чьих-то ног,
И всё же, оброни зерно Господне —
И вербою становится песок.
Глазами вербы в темень вод ничейных
Хоть заглянуть, как в храме отстоять.
Конечно, море здесь предел теченью,

Но будет небо... Вербная печать.
...Глядеть заворожённо в вечность, небыль,
Где долгими глотками Волга пьёт
Кувшином наклонившееся небо,
И жадно зыбь на губы волн ползёт.
Не пей из полыньи предвечной грусти —
Она не напоит и не отпустит.
И оклик дальних поднебесий: «Настя»,
И долог вдох, и неизбежность устья
Нежней и тоньше детского запястья.

Галина Весновой

Автор книг стихотворений: «Во свете утреннем», «Сны мои хрустальные».

Стихи печатались в альманахах: «У Никитских ворот», «Академия поэзии», «Муза», «Долгие пруды», «Сияние лиры». Член Лито «Клязьма» (г. Долгопрудный Московской обл.).

Лейтмотив творчества – возвышенная любовь, тяготение к красоте в любом её проявлении. Родилась в Белоруссии, живёт в Москве.

* * *

В моём молчании – моя зима,
Зима хрустальная, зима звенящая.
В ней я со всей пытливостью ума
Понять пытаюсь суть происходящего.

Из нитей серебристых канитель —
Любовь моя последняя несмелая,
О ней одной мне птица свиристель
Поёт весь день на ветке можжевеловой.

И где-то свет немеркнувший горит.
Уютный дом... И кто-то на колени мне
Кладёт пушистый плед и говорит
Свой монолог неистовый с волнением, —

Тот, кто пришёл, возник из пустоты,
Возник полусознательно, нечаянно.
Знакомый взгляд, знакомые черты...
И я не дорожу моим молчанием.

Оно со мной, пока блестит луна
Холодным блеском, нежным и искрящимся.
Мне так необходима тишина!
Но как горят глаза у говорящего!..

Из марева, из звёзд, из глубины,
Из миллиона звуков и мелодий
Ночь состоит, но звуки не слышны.
Уходит ночь, и музыка уходит.

* * *

Когда одиноко и много дождей,
Когда племена не меняют вождей,
Когда продырявлены шкуры,
Когда кто-то глупый пускает стрелу,
Разорваны бусы и все на полу, —
Естественно, день будет хмурым.

А коль непогода весь день на дворе,

Не витязь отважный стоит на горе,
А странник с сумою убогий.
Одни небеса, никого нет окрест!
Надежда да вера, да согнутый крест,
Да куст бузины у дороги.

А там, за горой, прорастает трава.
И жизнь, как всегда, беспощадно права.
Какое ей, в сущности, дело,
Что пальцы немеют, но бьют в барабан!
Что мамонтов нет, и что вождь – истукан,
Что птичка-синичка взлетела!

Что бусы мои – голубая роса,
Что высохнет кожа, иссякнут глаза!
А тот, на горе, видно, плачет...
У витязя стрелы, копье и броня,
Он ищет во поле широком коня.
Найдёт – и всё будет иначе!

* * *

Мне нравится, чтоб всё – иль ничего.
Мне нравится, чтоб было волшебство,
Аукало за синею горою
В вечерний час, осеннею порою,

И радости мне больше отмеряло.
Но волшебство свой голос потеряло.

Мне нравится не вброд, а напрямик.
Мне нравится ловить волшебный миг,
Который воплотится искрой Божьей
И истиною станет непреложной.
И будет всё, как будто бы впервые:
Живые травы и цветы живые.

Мне нравится, чтоб было волшебство,
Чтоб я могла почувствовать его,
Носила бы до вечера в кармане
И верила б, что больше не обманет
В присутствии за синею горою
В вечерний час, осеннею порою.

Александр Ветров

После окончания средней школы учился в пяти образовательных учреждениях. Последний вуз – Институт журналистики и литературного творчества. Член Союза писателей России, член Академии поэзии, автор пяти поэтических сборников.

У знакомых в деревне

Утро. Солнышко в окошке.
Вижу: утки на дворе,
Два щенка лежат в лукошке.
В опрокинутом ведре
Кто-то чуть зашевелился,
Вылез. Кролик? Не похож.
У куста остановился.
Нос, иголки... Точно, ёж!
Повернулся – и к забору.
Там, под досточкой, пролез.
Перешёл овраг – и в гору,
Где стоял сосновый лес.
На поленнице кот рыжий,
Хвост свернув колечком, спит.
Рядом с ним, слегка пониже,
Давний друг его лежит.
Слышу: Шарик за сараем...
Где ж таких набрался сил?!

Мелкий он, но громким лаем
Всех в округе разбудил.

В жаркий полдень

Тихоструйная речонка
Меж ветвистых ив течёт.
На мостках сидит девчонка,
По воде ногами бьёт.
Всё сильней, сильней, сильнее
Бьёт, безудержно смеясь.
Веер брызг стоит пред нею.
Миг – и радуга зажглась.

На уроке географии

– А знойным, очень жарким летом
Бывает половодье рек?
Петровский встал с таким ответом:
– Когда везде в горах с рассветом
И ночью быстро тает снег.

За околицей

В лесном тенистом коридоре
Бежит по камешкам ручей.

Потом, сверкая на просторе
Окрестных солнечных полей,
Уходит резким поворотом
В долину через тростники,
По лужам, маленьким болотам
И вниз: в овражек у реки.
Его мгновенно пролетая,
Задев сирени куст большой,
Валун с корягой огибая,
Журча, сливается с рекой.

* * *

В небе сильно громыхало.
Бабка ж грядки поливала.
Ох, и ржал над ней Федот:
Глупой, мол, соседка стала...
Час прошёл, второй... и вот
Улыбнулась та устало,
Ведь за день к нему упало
Лишь две капли в огород.

* * *

Август. Лето на исходе.

В роще дождик моросит.
Возле грядки в огороде
Пожелтевший лист лежит.
Тучи вдаль плывут армадой.
Лёгкий сумрак на дворе.
Веет сыростью, прохладой,
Словно в позднем сентябре.
Всё пройдёт, пройдёт и это.
Что грустить в сей хмурый час,
Ведь вернётся с солнцем лето
В сентябре ещё не раз.

Романтик

Ночь. Безмолвные просторы.
Яркий месяц над рекой.
Пруд, овраг, сады, заборы —
Всё покрылось синей мглой.
В чистом небе Млечный блещет.
Спит село. А что же он?
Смотрит, как листвою трепещет
За окном высокий клён.

Игорь Гавриленко

После окончания Московского института стали и сплавов и аспирантуры работал научным сотрудником и преподавателем.

давателем в МГТУ им. Н. Э. Баумана. Автор книг стихов: «Разноцвет», «Тихо лодка плывёт», «Рисунок по памяти». Публиковался в периодической печати и литературных альманахах. Член ЛИТО им. Д. Б. Кедрина (г. Мытищи Московской обл.). Дипломант областного литературного конкурса им. Р. И. Рождественского за 2017 г.

Дочь кузнеца

Обними меня, кузнецова дочь,
И, любуясь красою гордячки,
Буду слушать я слов журчание в ночь,
Словно речка проснулась от спячки.

Сладок жаркий плен этих близких рук,
Губы мне обожжёшь поцелуями.
Страсть пылает в них, словно в горне плуг,
Искры чувств брызжут звёздными струями.

Молотки поют – слышу дробный стук,
Мнится мне – это песня венчальная.
Счастье нам сулит из подковы круг —
Нет надёжней кольца обручального.

* * *

Вновь погоды непонятность:
За окошком ночь морозна,
Хоть весна уже проснулась,
Только разве в том беда?

Заурядная нескладность —
Нам любовь казалась звёздной,
Счастье всё ж не улыбнулось —
Прожурчало, как вода.

А виной была бестактность,
Обвиненья речью слёзной,
Ожиданья обманулись,
Не осталось и следа.

Что умчалось в невозвратность,
Не вернёшь, жалеть тут поздно.
Рано сердце вострепелось,
Не остыло б навсегда...

Казнь Марии Стюарт

В моём конце моё начало...

М. Стюарт

Отсутствовал лондонский чопорный двор,
Когда в замке старом, от моха зелёном,
Был гордой Стюарт оглашён приговор
В измене – желанье английской короны.

Предательство стало итогом судьбы,
В которой лишь шаг от венца до безвластья.
Вела её стража под ропот толпы,
Являя собою пример безучастья.

Людской суд ничто, Высший суд её ждал.
Она в ожерелье, в камнях, как на праздник.
Что ей эшафот? Это лишь пьедестал.
Судья для неё – жалкий шут-соучастник.

Как жаль: с королевой английскою спор
Привёл по доносу к такому исходу.
Блестел хладной серостью острый топор,
Готовый тупую исполнить работу.

И только палач пьяный слышал один,

Как губы с надеждою к Богу взывали.
Но тщетно. Всё кончено. Пара фрейлин
Проливаю кровью платки напитали.

Века пролетели, не стёрлась печать
Одной из печальных британских историй.
Теперь рядом двум королевам лежать
В своих саркофагах в Вестминстер-соборе.

Вещий сон

Во сне твой силуэт туманен,
Но верю – сон мой вещим станет.
И ты объявишься неожиданно
Моей богинею желанной.

Летишь, земли едва касаясь,
И гнутся травы, расступаясь,
Улыбкой солнечной согрета,
Ты вся из воздуха и света.

Коснёшься сердца нежным взглядом
Под трели птиц, звенящих рядом,
И, белым ослепив нарядом,
Взорвётся мир цветущим садом.

Дмитрий Дергалов

Родился в 1991 г. в посёлке Тарасиха Нижегородской области, где и живёт по сей день. Окончил Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева. Участник литературного движения «Светлояр русской

словесности» под руководством Марины Кулаковой. Печатался в журналах: «Земляки», «Нижний Новгород», «День и ночь», газете «Свободная пресса». Лауреат премии Нижегородской областной организации Союза писателей России им. В. К. Миронова в номинации «Поэзия» (2016). Лауреат I степени в номинации «Поэзия» всероссийского Слёта молодых литераторов в с. Большое Болдино (2015), участник и призёр различных региональных и всероссийских литературных фестивалей и конкурсов.

Поколение застенчивых

Мы с рождения повенчаны
С вечной истиной святой.
Поколение застенчивых,
Не сдавайся же, постой!

Мы с тобой непобедимые.
Перед нами верный путь.
Не оставь меня, любимая,
Сядь со мной передохнуть.

Жизнь трудна и переменчива.
Лучше шагом, чем в галоп.
Поколение застенчивых,
Охлади вспотевший лоб.

Всё забыто, перестроено.
От самих себя бежим.
Почему мы так устроены?
Чем мы в жизни дорожим?

Тишина. Ответить нечего.
Ну а мир не пропадёт.
Поколение застенчивых
Поведёт его вперёд!

Нас учили быть смиренными
И друзей за всё прощать.
Мы клялись родными стенами
Честь до гроба защищать...

Идеалы все развенчаны.
Жизнь нас кормит на убой.
Поколение застенчивых,
Принимай смертельный бой!

Облачко

Ну до чего банально, в самом деле —
Достать любимой звёздочку с небес!
Мне эти штучки, право, надоели,

Но всё-таки на небо я полез.

Весёлых облаков резвилась стая.
Казалось, им весь свод небесный мал!
И у меня возникла мысль иная:
Я маленькое облачко поймал.

Быть может, для того оно когда-то
И бороздило горные пути,
Чтобы пушистой сахарною ватой
Покой в твоих ладонях обрести.

Свобода

Судьба стояла на кону.
Ты молча ждал исхода.
Все у кого-нибудь в плену...
Зачем тебе свобода?

Ты холоден и нелюдим,
Такая уж порода.
А чтобы взять и стать другим —
Вот тут нужна свобода.

Книжные магазины

Наши потребительские корзины
Как-то неожиданно опустели.
Закрывались книжные магазины,
Предвещали ядерные метели.

Надрывались твёрдые переплёты.
Мягкие слежались и затвердели.
На высотки падали самолёты.
Мир лежал в руинах к концу недели...

Оборвался сон, не узнать финала.
Вспоминал весь день, вся подкорка в мыле.
Наконец отчаялся. Доконало.
А потом узнал: «Дирижабль» закрыли.

Теория любви

Учёный не пинал по скверам листики.
Пытался он, воюя с ОРВИ,
Из опыта, науки и статистики
Создать для нас теорию любви.

Вот тёплый взгляд и робкое признание,

Сближение душ и притяжение тел.
Он думал не о деньгах, не о званиях —
Он сделать всех счастливыми хотел.

Вот первый поцелуй, объятья нежные,
Рука в руке, прогулки до утра,
И так трепещет сердце безмятежное,
Что вроде и жениться уж пора!

Все данные и знания лихо скрещены:
Вот это делай так, а это сяк —
Но возникает маленькая трещина,
И все старанья наперекосяк.

Находится вдруг пара из Австралии.
Того-то нет и этого-то нет,
Совсем неподходящие реалии —
А прожили в согласье сорок лет.

Учёный в гневе на себе рвёт волосы.
Он, у своей теории в плену,
Все радужные жизненные полосы
Одним движеньем комкает в одну.

Любимой говорит он: «Извини меня.
Ты без меня немного поживи.

Вернусь я, лишь твоим украшу именем
Заветную теорию любви!»

Она ушла. И стала жизнь научная.
Всё чаще нападала ОРВИ.
Текли года, бессмысленные, скучные.
Не удалась теория любви.

Он сжёг свои расчёты, схемы, выкладки,
Всё бросил в пламя старческой рукой.
И после этой сумасшедшей выходки
Вдруг ощутил немислимый покой.

И вырвался, разнёсся по галактике
Прохладный ветерок последних слов:
«Любовь имеет смысл лишь на практике.
Не теоретизируйте любовь...»

Время, лети!

Время, лети! Пусть уходит эпоха
Робости, злости и страха в глазах!
Время, лети! Всё не так уж и плохо.
Нам ни к чему расставаться в слезах.

Время, лети, умирив тревоги,

Слушая ночь, напевая в тиши.
Время, лети по знакомой дороге,
Только покинуть меня не спеши.

Время, лети, словно смелая пташка,
Прямо вперёд, дальше края земли!
Чтобы, когда нам приходится тяжело,
Мы на тебя положиться могли.

Время, лети, прогоняя усталость!
Знаешь ли ты, где дороге конец?
Только продли, хоть на самую малость,
Новую встречу влюблённых сердец.

Долгожданная

Посидеть с тобой немного,
Поболтать о том о сём.
Пусть недолгая дорога,
В сердце радость унесём.

Почему – совсем не тайна,
Каждый вдруг счастливей стал.
Всё на свете неслучайно.
Это Бог тебя послал.

Отражение

Когда над головой нависнет стальное небо,
остановись на минуту
и взглядишь в его сверкающую поверхность.
Как только увидишь на ней своё отражение —
а ты его обязательно увидишь, —
протяни ему руку.
Оно протянет свою,
улыбнётся
и молниеносным движением
поднимет тебя сквозь холодную мокрую сталь,
пронесёт между рядами молекул
так аккуратно,
что тебя не коснётся из них ни одна, и воды
даже самая малая капля упасть на тебя
не успеет.
И ты окажешься там, наверху,
где ничто не скрывает солнца.

Постелив тебе тёплое облачко
на вершине огромной монолитной тучи,
отражение сядет рядом
и станет рассказывать,
как интересно смотреть на тебя сверху,

когда ты играешь на скрипке или пишешь стихи,
или когда человека,
с которым не хочется расставаться,
обнимаешь так,
что от нежности сводит пальцы.
Даже когда ты просто идёшь по городу,
на тебя всё равно приятно смотреть,
потому что ты —
как это у вас говорится? —
красивая,
хотя это не совсем точное выражение,
но точнее можно сказать только на тех языках,
что состоят не из слов.

В какой-то момент ты обнаружишь,
что солнце расплавил стальную тучу,
и теперь вместо неё под вами
гигантская
невесомая белая перина,
от которой айсбергами отрываются облака,
и ветра-почтальоны
разносят их по небу.
Потом от этой перины останется коврик
размером с твою комнату,
и ты вдруг начнёшь медленно
проваливаться сквозь него.

Тогда отражение подмигнёт тебе
и взмахнёт рукой на манер фокусника.
Появится пушистое облачко,
обхватит тебя за талию,
раскроется, как парашют,
и мягко-мягко опустит обратно на землю.

Ветер

Заблудился ветер в переулке
И теперь преследует меня.
Вот сейчас запру его в шкатулке,
Подержу там три-четыре дня!

Чтоб в ушах не отзывался гулко,
Чтоб перед стихами падал ниц,
Чтобы не плутал по переулкам,
Не сдувал улыбки с ваших лиц.

Маленькие одиночества

А я заметил, кроме прочего:
Мы, на прощанье обнимая,
Друг друга молча обрекаем
На маленькое одиночество.

Людей вокруг немало топчется,
Но одного лишь не достанет,
И тотчас же оно настанет —
Малюсенькое одиночество.

Укрыться некуда от этого,
И каждый этому подвержен
И этим будто бы повержен,
Но разрешите посоветовать:

Соедините одиночества.
Они сильны поодиночке,
А вместе станут меньше точки
И наконец сотрутся дочиста.

Тогда ликуйте! Встречу празднуйте!
Спешите исполнять желанья!
И не пугайтесь расставанья
С его извечной несуразностью.

Скажу со стопроцентной точностью:
Пути ещё пересекутся,
Ведь нам на память остаются
Те маленькие одиночества.

Ольга Дьякова

*Родилась в Москве, член Союза писателей России.
Окончила Тимирязевскую академию и Высшие литера-*

турные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Автор двенадцати книг. Лауреат премий журналов «Москва» и «Литературная учёба», альманаха «Московский Парнас», премии Козьмы Пруткова в жанре сатиры. Дипломант Горьковской литературной премии, лауреат Всероссийских литературных премий им. Н. М. Рубцова и им. А. П. Чехова. Лауреат литературно-общественной премии им. Владимира Маяковского. Награждена Чеховской и Лермонтовской медалями, дипломом им. М. Ю. Лермонтова, дипломом 1-й степени «Золотое перо Московии» и орденом «В. В. Маяковский». Награждена медалью Министерства обороны Российской Федерации «За укрепление боевого содружества».

* * *

Краски бросило утро
На бесцветную дату.
На Потёмкинской пусто,
День знобящий, двадцатый.

Надо мною две силы
Совершают круженье:
В первой – ходят светила,
Во второй – искушенья.

Подавляемый ропот
Не задержит прощанье.
В голове моей Моцарт
Исполняет желанье.

Я шагнула к деревьям,
Простирающим руки.
К бесконечной вселенной
Я прошусь на поруки.

И в туманы ныряю,
Словно в Невские воды.
Всё мне кажется раем
Посреди непогоды.

Три цвета

Три разноцветных свечи я зажгла,
Быстро темнело.
Площадь небесная людом полна,
Нет ей предела.

Белой свечою я мрак отгоню,
Синей – безволие.
С красной – доверюсь живому огню

В холод безмолвья.

Словно три разные жизни горят

В вечер моления.

Каждый ушедший мне кажется – брат

В час всепрощенья.

* * *

Поэты времён, прошумевших победно,

Порой заменяют отцов нам и дедов,

Пропавших в сраженьях, ушедших на небо.

И некуда в праздник нести ветку вербы.

Свой сок вместо слёз проливают растения —

Весна начинает поток обновлений.

И поколение высокого мщенья

К нам делает сильный рывок из Вселенной.

* * *

Мне повышает планку

Поэтов гордых рать.

Словесную чеканку

Я стану выбивать.

Стих напрягает тело,
Он изнуряет ум.
И кажется – предела
Не знает сердца шум.

Из самой сердцевины
Я выдавлю раба.
И потайной пружиной
Сработает судьба.

Поэт на пальцах носит
Обломки мёртвых звёзд.
Его вращает осень,
Его пронзает дождь.

* * *

С мужчинами нам трудно состязаться:
Они сильны иным, иное знают,
Механику ломая лет в пятнадцать,
А дальше – армия, друзья, всего без края.
Им довелось по свету поскитаться
На катерах, в товарниках, по шпалам.
В стихах им можно всё, любой – Гораций,
Со всех сторон – как отгранённый камень.

А мы по словарям привычно шарим,
Но стиль мужской – почти неподражаем:
Предельно точен, собран и ударен.
И мы себя им дарим, дарим, дарим.

* * *

Ни звезды не упало,
Ни слезы с тёмных туч.
Где-то в царстве Непала
Бьёт таинственный ключ.

Звук мелодии слышен,
Завершающий день.
На соседнюю крышу
Башня бросила тень.

Чьё-то сердце стремится
Превзойти Эверест.
И значенье страницы
Превращается в крест.

Сквозь летящие звоны
В нас глядят со стены
Золотые иконы
С чёрным диском луны.

* * *

Вблизи железная дорога
Слышна лишь в это время года:
Проходят дачные сезоны
Быстрей, чем за окном вагоны.

Бессонница. Болят суставы.
Грохочут памяти составы:
Железный скрип на перегонах,
И спят счастливики в вагонах.

А мне-то кто заснуть мешает?
Земля не спит. Земля большая.
И полуночниц – миллионы,
У каждой за спиной перроны.

* * *

В шаблонность биографий
Не верю я давно.
Смиренье эпитафий
Значению не равно.

В строенье родословий
Я чувствую провал.
Оплот фамилий крови
В зеркальный ряд попал.

Темны мужские судьбы,
Тоскливы годы вдов.
Где род пошёл на убыль —
Архив открыть готов.

Не всё одето тайной,
Плоть мира выше каст.
Необоримой правдой
Дух предков дышит в нас.

* * *

Забыты письма, не забыт твой почерк
И броское портретное лицо.
Но и оно теряется меж прочих,
Вплетённых в стихотворное кольцо.

Тетрадь с попыткой написанья прозы
Отложена до будущего дня.
Покой цветёт болотную рогозой,
И с красотой сравнима тишина.

Уйду в себя, как бы в другое время,
Неся в душе завещанную кладь.
Портреты близких украшают стены...
Всё было, и чего ещё желать?

* * *

Вечер всё тише
По травам плывёт.
Гений напишет,
А демон – споёт.

Внемлет распаду
Пророк пустоты,
С гением сладить
Пытаясь в Пути.

Правят мгновеньем,
Бросают меж гроз:
Гений – решенье,
А демон – вопрос.

Вечер изранен
Закатным ножом.
Демон – зеркален,

А гений – зажжён.

Гул подземелья
Достигнет орбит.
Демон не дремлет,
И гений – не спит.

* * *

Нет, не встречается
Нынче желанное.
Я отыщу в себе
Скрытое, тайное,

Необъяснимое,
Непокорённое,
Долго носимое
Мыслями-волнами.

Стрелки продвинутся
В утро зеркальное,
Где сохраняются
Снов очертания.

Ах, повернуть бы мне
Сердце brutальное

Градусов на десять,
На несказанное.

Всё изменяется
Волею случая.
Я же рисковая,
Я же везучая.

* * *

У ветра – поющие руки,
Но тучи загнал – как погонщик.
Поэты не ведают скуки
И чувствуют скрытое тоньше.

Их строки – прямое посланье,
Озноба бездонные смыслы.
О стать сквозняком вопрошанья,
Забыв отвлечённые числа.

У ветра развязаны руки,
Он мысли разносит по свету.
Любимый в предчувствии муки
От мира закрылся газетой.

Приходит любовь слишком скоро —

Так беды врываются разом.
Глубинные вскрыты затворы,
Творит славословящий разум.

Разлука – обычное дело.
Избегнуть прощания страждем.
Грядущему чужды пределы,
И люди встречаются – дважды.

* * *

Весома ли душа,
И кто её измерит?
Проходит не спеша
Житейский караван.

Апостол Иоанн
Был взят живым на небо.
И ересей в веках
Рассеялся туман.

И с частотой дождя
Оплаканы потери,
За всё в ответе я
На страже ремесла.

Себя не пощадив,
Своей согласно вере,
В январь крещенских вод
Вхожу с перстом тепла.

* * *

Всякий турнир собирает народ,
Здесь не пройдёт полумера.
Так в поединок вступал Гесиод —
Славный соперник Гомера.

Каждый талант или гений – стрелок,
В цель попадающий с ходу.
Каждый надел погребальный венок,
Мощной природе в угоду.

С ней не сравняться ему бы вовек,
Если б не вечное слово.
Ставкой становится сам человек —
Всё к этой жертве готово.

* * *

Ночь течёт Средневековьем

Меж уснувших городов.
Где-то иноки подворья
Ждут литья колоколов.

Нет в природе укоризны,
Тишь такая же, когда
Замысел стоял над жизнью,
Всё решалось навсегда.

И на якоре у неба
Стыли судеб корабли.
Не одним мы жили хлебом,
Помня культ сырой земли.

Всё, что ищешь – всё не ново,
Но конца разгадке нет.
Жизнь твоя – вопрос другого,
Жизнь другого – твой ответ.

* * *

На землю пала полутьма,
И тишину не тронул звук.
Не спит в тревоге Фатима,
Сухих не разжимая рук.

И ей далёкая страна
Ложится тяжестью на грудь:
Не спит в тревоге Фатима —
Любимый выбрал долгий путь.

И речь его была ровна,
С певучих ниспадая губ.
Не спит в тревоге Фатима —
Где он нашёл себе приют?

Блестит бездонных глаз сурьма —
В них глубоко сокрыт испуг.
Не спит в тревоге Фатима,
А ночь проводит чёрный круг.

* * *

Собака лает,
Караван идёт,
В пути алкая
Драгоценность вод.

В далёком крае
Пригодится кобь⁴.

⁴ Гадание по приметам и встречам.

Подстерегает
Их разбой и скорбь.

Верблюды качают
Тех, кто зрит вперёд.
Пешком в барханах
Проводник идёт...

Достигнет рая
Городских красот.
Собака лает,
Караван идёт...

* * *

Всё в ожидании грозы
На миг застыло.
Мне снилось, будто Лао-цзы
Держал светило:

В нём иероглиф возникал
С названьем – «Встреча».
Сияло светом всех зеркал
Планета речи.

Текст лентой-змейкой уходил

За контур круга,
Алмазную оставив пыль
На глади пруда.

И этот лёгкий слой пылицы
Не уносило.
Обожествлённый Лао-цзы
Держал светило:

Луч не затрагивал лица
И силуэта.
Свет мимо шёл. Для мудреца —
Я тень предмета.

* * *

Встав под холодный душ луны,
Храню покорность изваянья.
Деревьев лёгкие шумы —
Как шелест книги изначальной.

Второе я моих стихов
Повсюду ищет цвет исконный.
Огонь костров еретиков
Пространство выжигает чёрным.

Под молчаливый диалог
Открылись шлюзы вдохновенья.
Мир воспевать велел нам Бог
И усложнять его значенье.

Елена Есина

Родилась в Москве. Окончила Высшие литературные кур-

*сы при Литературном институте им. А. М. Горького. Член
Союза писателей России и Международного художественного
фонда.*

*Награждена Золотой Есенинской медалью «За верность
традициям русской культуры и литературы», дипломом 1-
й степени «Золотое перо Московии». Лауреат премии Козь-
мы Пруткова в жанре сатиры, лауреат премии им. Я. В.
Смеякова.*

* * *

Слишком сильные туманы
Стали по ночам стоять.
Мне они напоминали
Облака, что низко спят.

Не увидишь человека
С расстоянья трёх локтей,
Будто все печали века
Опустились на плетень.

И неправильною рифмой
На строку мою легли —
Вырастающие рифы
На поверхности земли.

И реальностью другою
Мне казался белый свет.
Сизо-белою дугою
Мост возник из давних лет.

* * *

По лунному канату
Взбираюсь к звёздам Овна.
Пегас летит крылатый
К открытым чьим-то окнам

С провалами ночными,
Со страстью пограничной.
Хочу я быть с такими,
С кем музы дружат лично.

На звёзды опираюсь
Замедленным движеньем.
На проводах осталась
Судьба под напряженьем.

А в небесах прохладных
Продолжатся беседы
С героями Эллады

И с гением Толедо.

Художник

Он краски подобрал
К душе мятежной.
Уже лица овал
Светился снежно.

В углах усталых губ
Лежали складки,
Во взгляде – холод выюг,
Невзгод осадки.

Вверху был солнца шар
Земного счастья.
Ты прошлого пожар
Гасил бесстрашно.

И наливалась плоть
Сентябрьским соком.
Художника полёт
Царил высоко.

За рамки вышел холст,
Сливаясь с явью.

Мир был велик и прост,
И скрашен далью.

* * *

Листья сухие подолгу летали,
Напоминая мне бабочек лета.
Гейне открыв, отложила Стендаля.
Осень – закладка для книги поэта.

Тридцать восьмая страница – признание,
Тридцать девятая – горечь отказа.
Лёгкой весёлостью скрыто страданье,
Жизни беспечность отброшена разом.

Нет между строчек теней превосходства,
Книга читает меня неотрывно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.